

угодное божественной и неизреченной Природѣ безъ сомнѣнія должно было совершиться, и совершиться конечно чрезъ кого либо? Но какъ изъ этого такъ и изъ многаго другого можно увидѣть, что если „сѣ небесъ сошелъ“ Сынъ претерпѣть смерть за всѣхъ, то конечно вмѣстѣ и добровольно и невольнo, дабы всѣхъ воскресить въ „*послѣдній день*“, при благоволеніи на это и Самого Отца ради пользы для всѣхъ, но чрезъ это Онъ отнюдь не желаетъ считаться ино-природнымъ или въ чемъ бы то ни было меньшимъ Своего Родителя.

Предполагаю, что противникъ нашъ уже устыдится и не станетъ противорѣчить нашему разсужденію о семъ. Но продолжающему настаивать и разсудившему, что надо продолжать споръ, скажу вотъ что: если „*сошелъ сѣ небесъ*“ Сынъ для того, чтобы исполнить не Свою „*волю*“, какъ Самъ говоритъ, „*но (волю) Отца*“, и тебѣ можетъ быть не покажутся пріятными (убѣдительными) только что сдѣланныя нами о семъ разсужденія, то иначе развѣ не необходимо будетъ сказать, что желанія Ихъ нѣкоторымъ образомъ оказываются взаимно противными и воля Ихъ раздѣляется на противоположныя хотѣнія? Но вѣдь для всѣхъ безспорно, что если нѣтъ ничего раздѣляющаго, то безъ всякаго сомнѣнія должна быть одна у Обоихъ воля,—если же Онъ преслѣдуетъ Свою волю, какъ нѣкую другую, отличную отъ воли Отца, а между тѣмъ исполняетъ эту послѣднюю, то развѣ не будетъ безразсуднымъ для насъ говорить, что есть одна воля, а не другая, отличная отъ одной?

Посмотримъ же теперь, въ чемъ состоитъ воля Отца, ибо такимъ образомъ мы узнаемъ конечно и о другой волѣ, чего она желаетъ. Итакъ, воля Отца, какъ сказать Самъ Спаситель, „*чтобы все, что далъ*

Ему, *не погубилъ* (ничего) *изъ него, но воскресилъ это* (въ) *последній день*“. Никто не возразитъ противъ того, что она блага и человѣколюбна. Но перенося мысли къ противоположной ей волѣ Сына, мы должны будемъ находить Его и не человѣколюбнымъ, и не благимъ, помышляющимъ совершенно противное Отцу и не желающимъ ни спасать насъ, ни воскрешать отъ смерти. И какъ въ такомъ случаѣ Онъ могъ уже быть пастыремъ добрымъ? какъ въ знакъ присущаго Ему человѣколюбія полагалъ отданіе души Своей за насъ? Вѣдь если *сошелъ съ небесъ* для того, чтобы исполнить это по добровольному желанію, то какъ же не собственную волю исполняетъ, не погубляя то, что предано Ему Отцемъ, но даже воскрешая въ послѣдній день? Если же этого нѣтъ у Него въ желаніи, но Онъ служитъ желаніямъ Отца, и воскрешая и спасая, очевидно погибшихъ и подверженныхъ смерти: то развѣ мы не истину выскажемъ, утверждая, что Сынъ ни благъ, ни даже человѣколюбивъ? Да смолкнетъ поэтому христоронецъ въ виду того, что возраженіе его отовсюду несетъ ему обвиненіе въ богохульствѣ, и да не даетъ на насъ жестокими словами объ этомъ.

VI. 40. Се бо есть воля Отца моего, да всякъ видяи Сына и вѣруяи въ него имать жизнь вѣчную, и воскрешу его азъ въ послѣдній день ¹⁾).

Уже опредѣливъ благую волю Отца, уясняетъ ее снова и полнѣе предлагаетъ на разсмотрѣніе слушателямъ, посредствомъ повторенія того же самого. Ясно

¹⁾ *бо* древнегреч. Гал. Мар Зогр. вм. же поздн. греч. Остр. Юр. Ал.—*отца моего...* Остр. Гал. Мар. согл. однимъ вм. *пославшаго мя* согл. другимъ. Конт. Ал. и поздн. (нѣк. приб. еще *отца*). *жизнь вѣчную* Ал. Примѣчательно ощущеніе въ Сир. Син. *видяи сына*.

раскрываетъ, какой былъ способъ приведенія (вѣрующихъ Отцемъ къ Сыну) и что пріобрѣтаютъ вслѣдствіе этого приведенія приводимые.

Итакъ, Сыну, могущему животворить, Отецъ даетъ то, что нуждается въ жизни. А даетъ такимъ образомъ, что посредствомъ знанія влагаетъ каждому истинное понятіе о Сынѣ и способность яснаго разумѣнія того, что Онъ есть Богъ отъ Бога Отца истиннаго, дабы, такъ расположенный и осіянный созерцаніемъ Его, возносился къ награждѣ за вѣру, то есть къ вѣчной жизни и безконечному блаженству. Такимъ образомъ посредствомъ познанія и богоприличнаго созерцанія Отецъ приводитъ къ Сыну тѣхъ, коимъ опредѣляетъ сообщать божественную благодать. Сынъ же, пріавъ, животворить, и, сообщая собственное благо (жизнь) подверженнымъ по своей природѣ тлѣннѣю и внѣдря въ нихъ, какъ бы искру огня, животворную силу Духа, всецѣло ихъ преобразуетъ въ безсмертіе.

А слыша опять, что приводитъ Отецъ, Сынъ же подаетъ силу оживленія прибѣгающимъ къ Нему, не уклонись къ той нелѣпой мысли, чтобы думать, что Тотъ и Другой особо и отдѣльно совершаетъ что либо, чему соотвѣтствуетъ природа Каждаго, — напротивъ, усвояй себѣ ту мысль, что Отецъ есть содѣятель Сыну и съ своей стороны Сынъ Отцу,—и всей, утверждаю, Святой Троицы дѣло есть спасеніе насъ и возведеніе отъ смерти опять къ жизни. Знай, что и отецъ въ достаточной мѣрѣ обладаетъ всею потребною для сего силою, подобнымъ же образомъ и Сынъ, и также еще Святой Духъ. Посредствомъ всей Святой Троицы приходятъ къ намъ блага и „все во всемъ“ (1 Кор. 15, 28,—Колос. 3, 11 др.) Богъ и Отецъ всецѣло обрѣтается чрезъ Сына въ Духѣ.

Однакожь должно обратить вниманіе и на то, что нѣчто весьма достопримѣчательное обрѣтается въ вѣрѣ въ Сына, ибо жизнь имѣетъ она свою наградою. А если Отецъ и Богъ познается въ Сынѣ (сущемъ такимъ) по природѣ, то кто же наконецъ можетъ сносить тѣхъ, кои ставятъ Его внѣ сущности Отца и направляютъ свой необузданный языкъ къ такому богохульству? Черезъ то, что Онъ объявляетъ Себя могущимъ впадшее въ смерть возстановить къ жизни, черезъ это самое Онъ непосредственно, безъ всякаго уже посредства, восходитъ къ природному тождеству съ Родителемъ, ибо животвореніе есть дѣло свойственное жизни,—и если Отецъ есть жизнь по природѣ, то безсомнѣнія жизнью долженъ быть представляемъ и Тотъ, Кто отъ Него по природѣ, то есть Единородный.

VI. 41. Роптаху убо Іудее о немъ, яко рече: азъ есмь хлѣбъ сшедый съ небесе.

Негодуютъ опять ничего не уразумѣвая въ словахъ Христа. Въ этомъ большею частію выражается невѣжественный умъ, ибо не въ состояніи будучи обнять то ученіе, посредствомъ коего имъ слѣдовало преобразиться къ лучшему, онъ впадаетъ наконецъ въ неумѣстное малодушіе. И дѣйствительно, развѣ мы не находимъ подтвержденіе вѣрности этого опять на самихъ же Іудеяхъ? Раздражаются по какой причинѣ? Какое слово вызвало ихъ на это? „*Ропщутъ*“ почему же? Хотя наоборотъ, имъ надлежало бы со всею любознательностью направить свой умъ къ этимъ словамъ и изъ самыхъ уже дѣлъ усматривать истину,—посредствомъ великости совершеннаго чуда идти къ вѣрному уразумѣнію того, могъ ли бы Христосъ говорить ложь, называя Себя *хлѣбомъ* и притомъ *съ неба*

сошедшимъ, или же Онъ высказываетъ истину и такимъ именно (говорящимъ истину) Онъ долженъ бы былъ оказываться въ ихъ глазахъ. Такъ, судя правильно, можно было прекрасно научиться обрѣтенію полезнаго. Но ничего не изслѣдуя, они гнѣваются, хотя уже въ прошедшемъ Христосъ показалъ Себя дѣйствительнымъ и истиннымъ хлѣбомъ жизни и противопоставлялъ Себя маннѣ, въ качествѣ прообраза и сѣни подававшейся ихъ отцамъ въ пустынѣ, ибо „приходящій ко Мнѣ, говоритъ, не будетъ жаждать никогда“ (ст- 35). Вѣдь ѣвшіе ту манну получали нѣкое краткое и весьма скоропреходящее удовольствіе плотское, а приходящіе къ Нему чрезъ вѣру не одинаковой съ тогдашними людьми пользы достигнутъ, но будутъ вкушать постоянную благодать благословенія.

Такъ заблуждается умъ Іудеевъ, смотрящій на одно только земное. Слѣдовательно о нихъ именно и воспѣвалось это: „да помрачатся очи ихъ (чтобы)—не видѣть, и хребетъ ихъ навсегда согни“ (Псал. 68, 24), дабы, ниоткуда не направляясь къ познанію божественныхъ тайнъ, „злые зло погибли“ (Матѣ. 21, 41), благодаря своему безумію и крайней необузданности въ невѣріи. А припоминая кое что въ Моисеевыхъ писаніяхъ, мы найдемъ, что ропотъ на наилучшихъ (и добрыхъ (людей) былъ какъ бы нѣкимъ, присущимъ Іудеямъ, отеческимъ наслѣдіемъ. Но и тогдашній опытъ съ тѣми и теперешній съ этими показалъ однакоже, что это ведетъ къ горькому концу. Тѣ роптали въ пустынѣ и поднимали благодарный вопль на Бога, но „отъ змѣй погибли“ (Числ. 21, 8—9), какъ въ одномъ мѣстѣ засвидѣтельствовалъ и премудрый Павелъ (1 Кор. 10, 9). Ропшутъ и эти на Христа, и Законодателя и Искупителя оскорбляютъ столь продолжительнымъ невѣріемъ. Но Онъ пове-

лить „дракону и угрызеть ихъ“ (Амос. 9, 3), по написанному,—они будутъ предоставлены въ пищу всепожирателю звѣрю, ибо невѣріе всегда необходимо ведетъ къ ужаснѣйшему концу.

VI. 42. И глаголаху: не Сей ли есть Исусъ сынъ Иосифовъ, Егоже мы знаемъ отца и матеръ? Како убо глаголетъ, яко съ небесе снидохъ?

О превеликое невѣжество и омраченный неукротимымъ неистовствомъ умъ! „Огрубѣло, по написанному, сердце народа сего“ (Иса. 6, 10; Матѳ. 13, 15). Онъ дѣйствительно не видитъ ничего, что долженъ былъ разумѣть ясно, и въ мысляхъ и словахъ считаетъ это достойнымъ смѣха. Между тѣмъ какъ напротивъ, тщательно изучая писанія премудраго Моисея и пользуясь проповѣдью святыхъ пророковъ, имъ слѣдовало уразумѣвать то, что ожидалось пришествіе Христа къ намъ не безъ плоти и не безъ тѣлеснаго облаченія, но предвозвѣщалось Его явленіе въ человѣческомъ образѣ и въ этомъ общемъ у всѣхъ (людей) видѣ. Поэтому-то пророческое слово и возглашаетъ намъ, что Святая Дѣва приметъ въ чревъ и родитъ Сына (Иса. 7, 14). Также и блаженному Давиду Господь клятвенно возвѣщаетъ истинное и непреложное обѣтованіе, что произшедшаго отъ плода чресла его посадитъ на престолѣ его, какъ написано (Псал. 131, 11). Предвозвѣщаль и то, что изыдетъ жезлъ изъ корня Иессеова (Иса, 11, 1). Они же не сознаютъ себя дошедшими до такого неразумія, что если они видятъ плотскую *мать* Того, Кого пришествіе во плоти было предвозвѣщено, то поэтому, думаютъ, безъ сомнѣнія не должно вѣрить тому, что Онъ шшелъ съ небесъ; ибо хотя мы и найдемъ это совершившимся не по (закону) плоти, однако было

въ тѣлѣ (воспринятомъ) отъ Дѣвы, какъ въ Своемъ храмѣ, Слово божественное, свше отъ Отца къ намъ пришедшее и для спасенія всѣхъ „сѣмя Авраамова“ воспріявшее, дабы „во всемъ братьямъ“ уподобиться (Евр. 2, 16—17) и призвать человѣческую природу къ усыновленію Богу, явившись Богомъ и вмѣстѣ человѣкомъ. Но не уразумѣвая домостроенія (о пришествіи) Спасителя нашего во плоти, Іудеи вслѣдствіе своего знанія Его *матери* и *отца*, хотя и не бывшаго отцемъ, не стыдятся негодовать на то, что Христосъ говоритъ о Себѣ, что Онъ сошелъ съ неба.

И здѣсь опять является намъ весьма полезной образецъ. Черезъ это мы въ касающихся насъ дѣлахъ научаемся тому, что великій вредъ можетъ принести намъ, если мы умственными очами сердца уже не усматриваемъ присущую святымъ добродѣтель и не взираемъ на сокрытую имъ славу, но вслѣдствіе телѣсной ихъ малозначительности часто ни во что полагаемъ великое и пречестное у Бога. Такъ у пророковъ въ одномъ мѣстѣ Богъ говоритъ о святыхъ, въ лицѣ одного какъ бы распростирая слово на всѣхъ: „благословенъ человѣкъ, который надѣется на Господа, и будетъ Господь упованіемъ его, и будетъ какъ дерево, посаженное при водѣ, и (которое) пускаетъ корень свой ко влагѣ, во время бездождія не устрашится и не перестанетъ творить плодъ: глубоко сердце болѣе всего, и человѣкъ есть, и кто узнаетъ его? Я Господь, изслѣдующій сердца, испытующій внутренности“ (Іерем. 17, 7—10). Если такимъ образомъ мы своею надменностію станемъ уничижать (человѣка) познаннаго (славнаго) у Бога и удостоеннаго сейчасъ названныхъ доблестей, взирая на одну только внѣшне видимую и брнную плоть его и телѣсное безславіе считая признакомъ малодушія въ немъ, то не ока-

жемся ли думающими противное Царю всѣхъ и такимъ образомъ не подвергнемся ли не малому наказанію, то называя высокое низкимъ, то свѣтъ полагая тьмою, то сладкое считая горькимъ (Пс. 5, 20)?

Посему должно соблюдать (по отношенію ко) святымъ подобающую имъ честь и созерцать ихъ болѣе въ ихъ внутреннихъ и сокрытыхъ достоинствахъ, чѣмъ въ ихъ плотскомъ видѣ. Но вѣдь большинство изъ насъ совсѣмъ не считаютъ достойнымъ чести или какой-либо славы то, что презирается въ мірѣ, хотя бы то и отличалось доблестями, но взирая на одно только преизобиліе богатства и на скоро преходящую и какъ бы уже готовую къ смерти славу смотря совершенно несправедливыми взорами, ни во что обращаютъ правильное сужденіе.

Таковыхъ вполнѣ справедливо осмѣиваетъ Спасительвъ ученикъ, въ словахъ: „лицемѣры“ (—вы), ибо если какой-либо войдетъ въ собраніе ваше мужъ съ золотымъ перстнемъ, въ одеждѣ богатой (свѣтлой), войдетъ же и нищій въ скудной (худой) одеждѣ“, тогда вы, говоритъ, скажете богатому садиться на правомъ мѣстѣ, а нищему: „стань тамъ или сядь у ногъ моихъ (подъ подножіемъ моимъ),—то не разсуждаете въ себѣ“ (Іак. 2, 2 — 4), хотя отсюда можно усматривать, какому справедливому порицанію повинны тѣ, кои оказываютъ почести человѣку по его внѣшнимъ облаченіямъ, а не по внутреннимъ достоинствамъ. Вѣдь и богатство и блескъ отъ богатства естественно могутъ принести обладателямъ только чуждую нѣкую и подложную славу. А блескъ сердца и сіяніе добрыми дѣлами будутъ для обладающихъ ими подлиннымъ и природнымъ (истиннымъ) богатствомъ, не сопребывающимъ съ тѣломъ и съ нимъ вмѣстѣ согнивающимъ, но сожителемъ съ

душею, когда она еще пребываетъ въ этой (земной) жизни, а когда она удаляется, то также съ нею вмѣстѣ отлетающимъ туда, куда укажетъ Вождь всего, ибо „много обителей у Отца“, какъ мы слышали (Іоан. 14, 2).

Итакъ, должно оказывать почтеніе безъ сомнѣнія или (даже) съ необходимостью не тому, кто славенъ богатствомъ и какъ на картинѣ разукрашенъ земною славишкою, но напротивъ тѣмъ, коимъ блескъ дѣль при помощи Бога, порождаетъ неувыдаемую славу и коихъ внутренняя красота выставляетъ въ блестящемъ свѣтѣ посредствомъ всякаго рода благъ.

VI. 43 — 44. Отвѣща Іисусъ и рече имъ: не ропщите между собою: никто же можетъ прийти ко Мнѣ, аще не Отецъ, пославый Мя, привлечетъ его, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день.

Уничижаютъ Іудеи Іисуса, не вѣдая Отца (Его сущаго) на небесахъ и совершенно не признавая, чтобы Онъ могъ быть по природѣ Сыномъ Владыки всѣхъ, но имѣя въ виду только Его земную мать и Іосифа. Посему нѣсколько сильнѣе отвѣчаетъ имъ и тотъ часъ же опять благополезно устремляется къ самому божественному достоинству Своему, и чрезъ то, что Онъ какъ Богъ зналъ ихъ тихій шопотъ и явившіяся у нихъ мысли, чрезъ это самое побуждалъ ихъ понять, что они уклоняются отъ истины и составили о Немъ слишкомъ ничтожное представленіе. Въ самомъ дѣлѣ, всецѣло вѣдущаго сердца, испытующаго движенія ума, знающаго намѣренія души—развѣ не надлежало бы, напротивъ, вѣнчать уже божественною славою и настолько возвышать надъ человѣческою малозначительностію, насколько Богъ стоитъ выше земныхъ предметовъ? Итакъ, открывая скрывавшіяся

еще въ произнесенныхъ порицаніяхъ помыслъ и дѣлая явнымъ выражавшійся тихимъ шопотомъ ропоть, по высказанной уже причинѣ, „не ропщите, говорить, *другъ съ другомъ*“. Потомъ, показывая, что благое о Немъ таинство открыто людямъ Богомъ и знаніе о Немъ есть дѣло вышней благодати, говорить, что къ Нему не можетъ придти никто, не привлеченный внушеніями Отца. При этомъ опять Онъ не имѣлъ никакой другой цѣли, какъ убѣдить ихъ въ томъ, что съ плачемъ и скорбію имъ слѣдовало стараться объ освобожденіи отъ того (прощеніи за то), чѣмъ они уже оскорбили Его, и о привлеченіи ихъ ко спасенію чрезъ вѣру въ Него, посредствомъ совѣта Отца и вышней помощи, облегчающей имъ путь къ этому и изъ ужасно труднаго, влѣдствіе ихъ грѣха, дѣлающій его равнымъ.

Благополезно подтверждаетъ также и то, что воскресить изъ мертвыхъ вѣрующаго, опять и чрезъ это представляя Себя безумцамъ Богомъ (сущимъ) по природѣ и истиннымъ, ибо полная возможность животворить и подверженнаго смерти заставить возвратиться къ жизни (новой), это справедливо можетъ подобать одной только природѣ Бога и не можетъ быть приписано никому изъ созданныхъ. Вѣдь животвореніе есть свойство Живаго, а не получающаго этотъ даръ (жизни) отъ другаго.

VI. 45. Есть писано во пророцѣхъ: и будутъ вси научени Богомъ.

Зная какъ Богъ присущее слушателямъ неразуміе, не оставляетъ безъ свидѣтельства рѣчь объ этомъ, но показываетъ, что это было уже изначала предвозвѣщено и провозглашено чрезъ святыхъ пророковъ. При этомъ и предотвращаетъ у нихъ поводы къ же-

ланию опять возражать Ему и въ то же время обнаруживаетъ присущее имъ невѣжество посредствомъ того, что они оказываются опять незнающими также и этого, хотя законъ руководствовалъ ихъ къ воспріятію будущаго. Итакъ, убѣждаетъ ихъ даже и невольно соглашаться съ нимъ. Вѣдь неестественно было имъ возставать и противъ возгласовъ святыхъ пророковъ о томъ, что Богъ и Отецъ внушитъ достойнымъ тайну о Немъ и откроетъ Своего Сына, неизреченнымъ образомъ бесѣдуя съ каждымъ и боголѣпно сообщая разумѣніе о Немъ.

А что въ прежде оказанныхъ словахъ: „никто не можетъ придти ко Мнѣ, если не Отецъ, Пославшій Меня, привлечетъ его“ Онъ не указываетъ на принудительное и насильственное привлеченіе, это разъясняетъ, прибавляя:

VI. 45. *Всякъ слышавшій отъ Отца Моего и навѣкъ (научившійся) придетъ ¹⁾ ко Мнѣ.*

Дѣйствительно, гдѣ слушаніе и ученіе, тамъ и благой плодъ отъ наученія, очевидно вѣра по убѣжденію, а не по принужденію. Разумѣніе о Христѣ подается отъ Отца достойнымъ (людямъ) по любви—вспомоществовательное, а не принудительное, ибо догматическое основаніе заставляетъ сохранять за челоувѣческою душою самовластность и самопроизволеніе, дабы она могла требовать справедливыхъ наградъ за добродѣтели, а при отступленіи отъ долга и уклоненій по нерадѣнію отъ воли Законодателя—подвергаться справедливому осужденію къ наказанію.

Надо знать и то, что если говорится, что Отецъ научаетъ кого-либо тайнѣ о Христѣ, то Онъ будетъ

¹⁾ Такъ древнесл. по Св. Ал. *грядетъ*—точно, Рус: *приходитъ*,

дѣйствовать въ этомъ не одинъ, но совершить это чрезъ Сына какъ чрезъ собственную Премудрость, ибо слѣдуетъ разумѣть такъ, что откровеніе разумнѣя въ комъ-либо будетъ отъ Отца не безъ Премудрости, а Премудрость Отца есть Сынъ. Итакъ, чрезъ собственнаго Сына, какъ чрезъ премудрость, Отецъ будетъ совершать откровеніе въ достойныхъ. И вообще сказать и совершенно истинно, не погрѣшитъ тотъ, кто будетъ говорить, что всѣ дѣйствія Бога и Отца или желанія суть—и всей Святой Троицы, одинаково и Самого Сына и Святаго Духа. Вотъ по сей-то, какъ думаю, причинѣ, когда говорится, что Богъ и Отецъ открываетъ Своего Сына и призываетъ къ Нему способнѣйшихъ вѣровать, то и Самъ Сынъ оказывается совершающимъ это и равно и Святой Духъ. Такъ блаженному Петру, благодерзновенно исповѣдывавшему вѣру въ Спасителя, Онъ говоритъ: „блаженъ ты, Симонъ сынъ Іонинъ, потому что не плоть и кровь открыла тебѣ, но Отецъ Мой (сущій) на небесахъ“ (Матѣ. 16, 17). Въ другихъ случаяхъ Онъ оказывается совершающимъ это Самъ. Такъ Павелъ съ великимъ торжествомъ говоритъ о себѣ, возвѣщая тайну Христову: „ибо не отъ человѣка принялъ его (благовѣстіе) или научился, но чрезъ откровеніе Іисуса Христа“ (Гал. 1, 12). Такъ и премудрый Іоаннъ пишетъ въ посланіи: „и вы помазаніе, что приняли отъ Него, пребываетъ въ васъ, и нужды не имѣете, чтобы кто училъ васъ, но какъ Его помазаніе учить васъ о всемъ“ (1 Іоан. 2, 27). И самъ Спаситель говоритъ въ одномъ мѣстѣ какъ объ Утѣшителѣ, тоестъ Духѣ: „еще многое имѣю говорить вамъ, но не можете вмѣщать (сносить) теперь: когда же придетъ Онъ, Духъ истины, то наставитъ васъ въ истинѣ всякой, ибо говорить будетъ не отъ Себя, но что слышитъ, (то)

говорить будетъ и грядущее (будущее) возвѣститъ вамъ“ (Іоан. 16, 12 — 14). Будучи Духомъ истины, Онъ будетъ свѣтоводствовать тѣхъ, въ комъ будетъ находиться, и руководствовать къ воспріятію истины. И это говоримъ мы, не желая раздѣлять другъ отъ друга и совершенно отдѣльно представлять Отца отъ Сына или Сына отъ Отца, равно и Духа Святаго отъ Отца и Сына: но, если дѣйствительно одно есть божество и проповѣдуется какъ созерцаемое во святой и единосущной Троицѣ, то усвояемое Каждому (лицу божества) и считающееся особо Ему принадлежащимъ мы опредѣляемъ какъ намѣренія и дѣйствія всего Божества. Это потому, что божественная и нераздѣльная Природа должна дѣйствовать нераздѣльно чрезъ саму себя, поскольку это касается единства божества, хотя и существуетъ самоипостасно каждое изъ Лицъ, ибо Отецъ есть то, что Онъ есть, и Сынъ такъ же, и Святой Духъ.

Кромѣ сказаннаго должно имѣть въ виду и вотъ что. Тѣ изъ именъ, кои имѣютъ какое-либо отношеніе къ чему либо, познаются другъ чрезъ друга и въ обозначеніи одного (представленіи объ одномъ) можно видѣть обозначеніе другаго (имѣть представленіе о другомъ). Такъ (получается) полная необходимость Сыну открываться чрезъ Отца, а Отцу опять также чрезъ Сына. Одинъ необходимо вводится вмѣстѣ съ Другимъ и если кто увидитъ Отца Бога по природѣ, то конечно уразумѣетъ родившагося отъ Него Сына, какъ безъ сомнѣнія и наоборотъ, ибо исповѣдующій Сына не невѣдаетъ Родителя.

Итакъ, поскольку Богъ есть Отецъ, таковымъ именно мыслится и проповѣдуется, — Онъ и слушателямъ внѣдряетъ (соотвѣтственное) знаніе о собственномъ Своемъ Порожденіи. А поскольку Сыномъ, (сущимъ)

отъ Него по природѣ называется и есть таковъ дѣйствительно, Онъ возвѣщаетъ Отца. Поэтому то и говорить къ Нему: „Явилъ Я Твое имя людямъ“ (Іоан. 17, 6): поелику Сынъ былъ познанъ увѣровавшими, то стало явлено, говорить, имя Родившаго.

Впрочемъ Богъ и Отецъ можетъ быть представляемъ влагающимъ въ насъ знаніе о Своемъ Порожденіи не такъ, чтобы это былъ гласъ, раздающійся съ неба и на подобіе грома оглашающій вселенную, но очевидно это есть возсіявающее въ насъ божественное свѣтовожденіе къ уразумѣнію боговдохновеннаго писанія. Опять въ этомъ отношеніи дѣйствующимъ въ насъ найдешь Сына, ибо въ одномъ мѣстѣ написано о святыхъ ученикахъ, что „тогда отверзъ ихъ очи“ (Лук. 24, 45), очевидно къ разумѣнію святыхъ писаній.

VI. 46. *Не яко Отца видѣлъ есть ¹⁾ кто, токмо сый отъ Бога, сей видѣ Отца.*

Предвидѣвъ опять, какъ Богъ, что отнюдь не примутъ (Іудей) откровеніе чрезъ Духа и не уразумѣютъ вышней премудрости въ свѣтовожденіяхъ, но по великому безразсудству потребуютъ даже и того, чтобы видѣть Отца, и учиться, такъ сказать, чрезъ самоличное зрѣніе, что, какъ думали, нѣкогда было съ отцами (Исх. 19, 20), когда слава Божія нисходила на гору Синай. Но опять отвлекаетъ отъ этого и какъ бы нѣкою уздою обращаетъ къ тому, чтобы не имѣть такого грубаго представленія о Богѣ и не думать, что невидимая природа можетъ когда либо быть видимою, ибо никто, говорить, не видѣлъ Отца.

Кажется, здѣсь опять дается намекъ на самого

¹⁾ Тако древн. по Св. Ал. въ обоихъ случаяхъ одинаково: *видѣть*.

священновождя Моисея. Вѣдь Іудеи думали, совершенно конечно неразумно разсуждая, на основаніи (употребленнаго) о немъ выраженія: „вошелъ во мракъ“ (Исх. 20, 2), что доступна зрѣнію неизреченная природа Бога и тѣлесными очами можно видѣть то, что по природѣ есть чистая красота. Но чтобы, высказывая о премудромъ Моисеѣ что либо болѣе ясное, не показаться поощряющимъ ихъ къ обычной дерзости, Онъ говоритъ неопредѣленно и вмѣстѣ обо всѣхъ, какъ и о немъ: „не то, что Отца видѣлъ кто“. Не требуйте, говорить, того, что выше (человѣческой) природы и не увлекайтесь безразсудными стремленіями къ тому, что недоступно всѣмъ тварямъ. Недоступна, сокровенна и не умопредставима Божественная Природа не для однихъ только нашихъ глазъ, но и всей твари. Въ словѣ „никто“ здѣсь сосредоточено „все“,—Себя же Самого опредѣляя какъ такого, который одинъ только есть отъ Бога и видѣлъ Отца, очевидно (тѣмъ самымъ) ставитъ внѣ „всего“ того, что опредѣленно ¹⁾ можно разумѣть подъ словомъ „никто“.

Итакъ, какъ Онъ есть внѣ всего и между тѣмъ какъ никто не видитъ Отца, Одинъ Онъ не лишень этого видѣнія, то развѣ не можетъ Онъ наконецъ быть мыслимъ существующимъ не во „всѣхъ“, какъ одинъ изъ нихъ, но внѣ „всѣхъ“, какъ (сущій) выше „всего“? И если говорится, что *все отъ Бога и никто невидитъ Отца*, ибо „все отъ Бога“, по слову Павла (1 Кор. 11, 12), а между тѣмъ (также говорится, что) Онъ одинъ только *видитъ Бога*, потому что Онъ *отъ Бога*: то это „отъ Бога“ мы правильно поймемъ, если будемъ разумѣть о Немъ только одномъ въ значеніи

¹⁾ Aubert и Migne читаютъ ἀποφατικῶς—отрицательно, въ отрицательной-формѣ (т. е. никто какъ противоположность положительному „все“), но Ри сеу на основаніи рукоп. поправляетъ въ ἀποφατικῶς.

изъ сущности Отца. Если же не такъ, то чего же ради, какъ мы уже ранѣе сказали, между тѣмъ какъ говорится, что *все отъ Бога*, одинъ только Онъ восходитъ къ зрѣнію Родившаго потому именно, что Онъ *отъ Бога?* Итакъ о тваряхъ это (выраженіе: *отъ Бога*) должно говориться въ несобственномъ смыслѣ, ибо *все отъ Бога* въ смыслѣ творенія, какъ приведенное Имъ къ бытію,—о Сынѣ же выраженіе „*отъ Бога*“ должно приниматься въ другомъ и истиннѣйшемъ смыслѣ, что Онъ (Сынъ) изъ Него (Отца) по природѣ. Посему, не соприсчисляемый ко всѣмъ, но будучи внѣ всего и выше всего съ Отцемъ, Онъ не долженъ раздѣлять общей со всѣми слабости, поскольку именно изъять изъ единоприродности съ ними, но, восходя до природы Родившаго, долженъ конечно созерцать Того, отъ Кого есть.

А выразить словами то, какъ или какимъ образомъ Самъ ли Онъ зритъ Отца, или обратно—созерцается Отцомъ, это не доступно нашему языку. Должно однакожъ представлять это въ подобающемъ Богу видѣ.

VI. 47. Аминь (истинно), аминь (истинно) глаголю вамъ: вѣруй въ Мя имать (имѣеть) животъ вѣчный (жизнь вѣчную).

Итакъ, вѣра есть дверь и путь къ жизни и восхождение отъ тлѣнія къ нетлѣнію. Впрочемъ и здѣсь нисколько не менѣе (чѣмъ въ другихъ случаяхъ) слушателямъ предстоитъ подивиться благоусмотрительности Спасителя. Поелику знаетъ и видитъ, что они совсѣмъ ничего не понимаютъ и даже не думаютъ о долгѣ повиновенія пророческимъ словамъ, то заклинаніемъ въ истинѣ пресѣкаетъ слабость вѣры, поскольку она зависѣла отъ человѣческихъ размышле-